

Г. А. Хабургаев

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

(ЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К ОБСУЖДЕНИЮ «ПЕРВОПРИЧИНЫ»
ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ)

0.1. Плодотворность любой научной дискуссии может быть обеспечена лишь при условии строгого соблюдения ее логических основ. Участниками дискуссии об этногенезе белорусов¹ это важнейшее условие было нарушено, и только поэтому им не удалось прийти к единому мнению, хотя факты, из которых исходили спорящие стороны, явно требовали однозначных выводов², что мне и хотелось бы показать. В связи с этим постараюсь по возможности не привлекать новых археологических и этнографических данных: в ходе дискуссии их приводилось вполне достаточно. Нуждается в пополнении лишь материал восточнославянской диалектологии, поскольку он почти не нашел отражения в дискуссионных статьях. Вмешательство же диалектолога в решение проблемы белорусского этногенеза может оказаться бесполезным, коль скоро признается, что именно язык является основным внешним признаком этнической принадлежности. Во всяком случае, очерченный Е. Ф. Карским ареал белорусов, который лежит в основе построений В. В. Седова (см. 1967, № 2, карты на стр. 115, 117, 121, 122), выделен исключительно по лингвистическим данным и полностью совпадает с ареалом белорусских говоров к началу XX в. (ср. карту 4 настоящей статьи).

0.2. Дискуссию вызвал тезис В. В. Седова, гласящий, что «политическое и экономическое обособление западнорусских земель не было первопричиной образования белорусского языка и народности» (1967, № 2, стр. 129; разрядка моя.— Г. Х): такой «первопричиной»

¹ См.: В. В. Седов, К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов), «Сов. этнография», 1967, № 2; его же, Еще раз о происхождении белорусов, «Сов. этнография», 1969, № 1; П. Н. Третьяков, Восточные славяне и балтийский субстрат, «Сов. этнография», 1967, № 4; В. А. Жучкевич, К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов, «Сов. этнография», 1968, № 1; М. Я. Гринблат, К происхождению белорусской народности (по поводу теории субстрата), «Сов. этнография», 1968, № 5. При ссылках на дискуссионные статьи указываются лишь выпуски и страницы журнала «Советская этнография».

² Это, по существу, уже отмечено в редакционном комментарии к дискуссии, где справедливо утверждается, что «разногласия между спорящими сторонами не так уж велики» (1969, № 1, стр. 121).

явился балтийский субстрат³. Аргументируя этот тезис, автор явно смешивает, с одной стороны, вопрос о причинах обособления части потомков древнерусской народности в новую лингво-этническую общность — белорусов, с другой стороны, вопрос об источниках происхождения отдельных языковых и этнографических особенностей, которые унаследованы белорусами от их древнерусских предков. Смешение этих разных проблем (в конечном счете — отсутствие логической строгости) отражено и в других дискуссионных выступлениях, в результате чего спор с обсуждения «первопричины» перешел к выяснению доли балтийских элементов в лингво-этническом своеобразии белорусского народа (см. статьи, указанные в сноске 1).

«В моей статье...», — разъясняет В. В. Седов в ответе оппонентам, — было показано, что некоторые элементы культуры верхнеднепровских славян VIII—XII вв., ряд этнографических, антропологических и языковых особенностей белорусов являются следствием взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами. Отсюда неизбежен вывод — формирование белорусской этнолингвистической общности происходило при воздействии на днепро-двинско-пономанскую часть восточного славянства балтского субстрата» (1969, № 1, стр. 105; разрядка моя. — Г. Х). Нельзя не заметить, что между первым тезисом этого разъяснения и выводом отсутствует вторая посылка, которая позволяла бы отождествлять «верхнеднепровских славян VIII—XII вв.» (!) с «белорусской этнолингвистической общностью». В. В. Седов, к сожалению, не обратил на это внимания⁴, а потому сформулированный им вывод (балтийский субстрат — причина обособления белорусов) остается логически необоснованным: чтобы проверить его, необходимо найти вторую посылку, т. е. установить, соответствуют ли в регионе древнерусских поселений ареалы трех современных восточнославянских народов (в том числе и белорусов) локальным языковым и этнографическим ареалам древнерусского периода (до XIII—XIV вв.).

1. Новейшие археологические исследования подтверждают давнее предположение о генетической неоднородности славян Восточной Европы: север был освоен потомками носителей «венетских» древностей, в то время как колонизация остальных районов осуществлялась из ареала культуры житомирско-корчакского типа (VI—VII вв.) и обнаруживающейся, позднее, но явно связанной с нею роменско-боршевской культуры⁵. Языковым отражением этих двух колонизационных потоков можно считать качество (способ образования) звонкого заднеязычного согласного: граница *g* (смычного) ~ *h* (фрикативного) делит ареал восточных славян на северную и южную части; при этом *g*, характеризую северно-великорусские (и среднерусские) говоры, свойствен также диалектам Польши и Лужицы (лехитским) — «венетским» по происхождению⁶, а *h*

³ Ср. также 1969, № 1, стр. 119; см. также: В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 163, 1970, стр. 192.

⁴ См., в частности, 1969, № 1, стр. 118, где В. В. Седов возражает против справедливого замечания М. Я. Гринблата о том, что в его работах по существу доказывалось «влияние балтийского субстрата на формирование древнего восточнославянского населения», а не белорусов (см. 1968, № 5, стр. 81).

⁵ См.: Б. В. Горнунг, Из предистории образования общеславянского языкового единства, М., 1963, стр. 4 и др.; П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 280—285 и др.; Л. В. Алексеев, Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв., М., 1966, стр. 33, 34, 50 и др.; И. И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки, МИА, № 152, Л., 1968, стр. 15, 16; В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья..., стр. 70—71, и далее, в частности, заключение на стр. 191.

⁶ В лингвистической литературе на генетическую связь северновостоочнославянских диалектов с лехитскими указывалось уже давно, например, в работах Л. Л. Васи-

(задненебный или фарингальный), известный южновеликорусским, белорусским и украинским диалектам, характерен также для словацкого и чешского языков, продолжающих диалекты носителей культуры пражского типа, локальной разновидностью которой являлась житомирско-корчакская.

На современной лингвистической карте западная часть границы $g \sim h$ проходит вдоль северного рубежа Белоруссии, пересекая далее водораздел Западной Двины, Волги и Днепра. Однако, учитывая условия славянской колонизации Восточной Европы, надо думать, что в Приднепровье она первоначально должна была совпадать с южной границей археологических «кривичей» (см. карту 1). Ее позднейшее смещение к северу не может быть связано ни с воздействием балтийского субстрата (балтийским языкам известен лишь смычный g), ни с нивелировкой диалектов Полоцкого и Смоленского княжеств IX—XIII вв., так как основное население этих земель составляли потомки *кривичей*, в диалекте которых не было h (иначе он был бы свойствен и говорам Псковщины). Сохранившиеся тексты подтверждают, что в Смоленске фрикативный согласный появляется только в XIV в.⁷; а *голядь*, вошедшая в состав Смоленской земли в середине XI в. (см. ниже), явно усваивала славянскую речь со смычным g , а не фрикативным (см. карту 2).

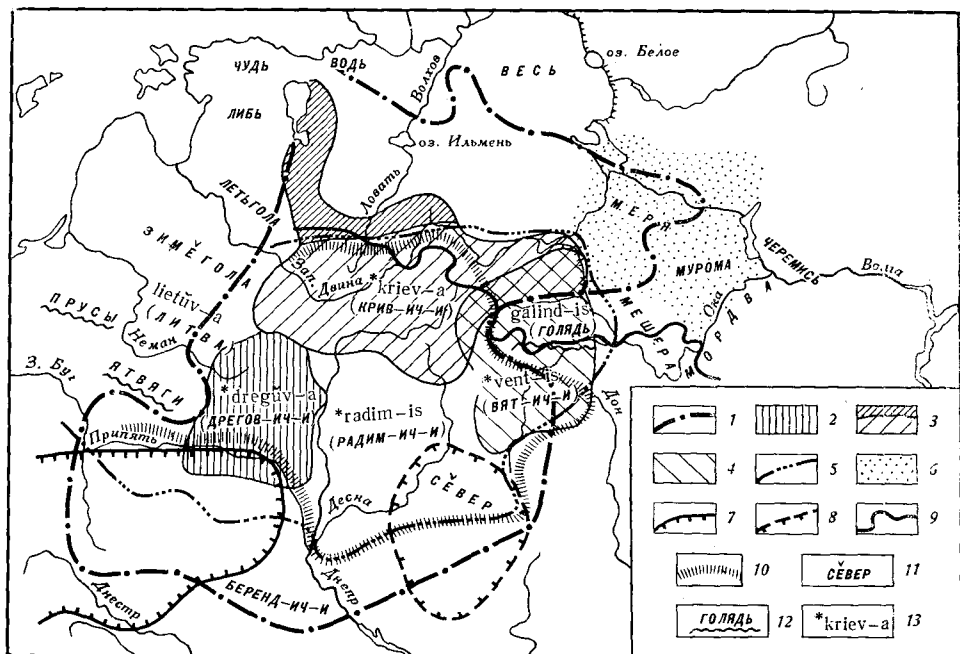
Очевидно, что смещение рассматриваемой изоглоссы в северном направлении происходило в процессе взаимодействия диалектов в составе Литовско-Русского государства, северным рубежам которого соответствует не только западная часть современной границы $g \sim h$, но и северная граница белорусского ареала вообще (ср. карту 4).

2.1. Следует считать доказанным, что в центральной лесной полосе — от Припяти и Сейма до верховьев Западной Двины и Волги — славянские колонисты встретились с балтийскими поселениями⁸, которые не были ими уничтожены, как не были уничтожены на севере и в Поволжье поселения финно-угров. Это должно указывать на мирное (или не всегда мирное) сожительство славян с автохтонами Восточной Европы, которые в конечном счете были ими ассимилированы, коль скоро мы обнаруживаем на территории Руси в историческое время только славянскую речь. Славянизация аборигенов (преимущественно балто- и

льева, Н. М. Каринского, Н. М. Петровского, А. М. Селищева и др. (см. обзоры: В. Б. Вилинбахов, Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена, «Скандинавский сб.», VI, Таллин, 1963, стр. 330—335; его же, Об одном аспекте историографии варяжской проблемы, «Скандинавский сб.», VII, 1963, стр. 343—345; сюда же надо добавить: Н. Н. Дурново, Несколько замечаний по вопросу об образовании русских языков, «Известия отделения русского языка и словесности», II, 1929, кн. 2, стр. 715—716, а также ряд новейших частных исследований).

⁷ См.: Л. В. Усачева, Язык смоленских грамот XIII—XIV веков (фонетика). Автореф. канд. дис., М., 1954, стр. 10, 11; ср.: Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 49.

⁸ Совпадение основной территории ареала балтийской гидронимии и археологических ареалов, которые могут быть связаны с древними балтами, на картах, составленных В. В. Седовым, выглядит очень убедительно. (см. также новейшее обобщение: П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности, МИА, № 179, Л., 1970, стр. 7, 28—30, 61—66 и далее). Вместе с тем следует предполагать, что наиболее устойчивыми и длительными древние этнические границы должны были быть вдоль заметных естественных рубежей: на юге, например, вдоль болотистого поречья Припяти (ср. 1968, № 1, стр. 109, 110), а также вдоль границы леса в поречье Сейма. Редкие балтийские гидронимы и отдельные находки к югу от Припяти могут быть связаны с изолированными дославянскими поселениями балтов, подвергшихся славянизации еще в период распространения здесь житомирско-корчакских древностей (ср. карту 1). На севере и северо-востоке в дославянское время балтийские поселения, видимо, также заходили достаточно далеко, распространяясь на давние финно-угорские районы, что и отразилось в гидронимах средней Оки и верхней Волги (см. 1967, № 2, карту на стр. 117). Нельзя, однако, утверждать, что население смешанной балто-финской территории (по В. В. Седову — москворецких и верхневолжских городищ) ко времени славянской колонизации было сплошь балтоязычным (ср.: Н. Д. Русинов, Очерки по фонетике и морфологии древней угличской письменности в связи с этнической историей Угличского верхневолжья, Автореф. докт. дис., Саратов, 1971, стр. 5, 6).

Карта 1. Этнический состав Древнерусского государства (IX—XIII вв.)

Археологические и топонимические ареалы Восточной Европы в обобщении В. В. Седова (1967—1970 гг.): 1 — территория восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв.; 2 — ареал памятников, приписываемых дреговичам; 3 — памятники смоленско-полоцких (редкая штриховка) и псковских (с VII в.) кривичей; 4 — ареал памятников мощинской культуры; 5 — ареал балтийской гидронимики; 6 — ареал мерянских гидронимов.

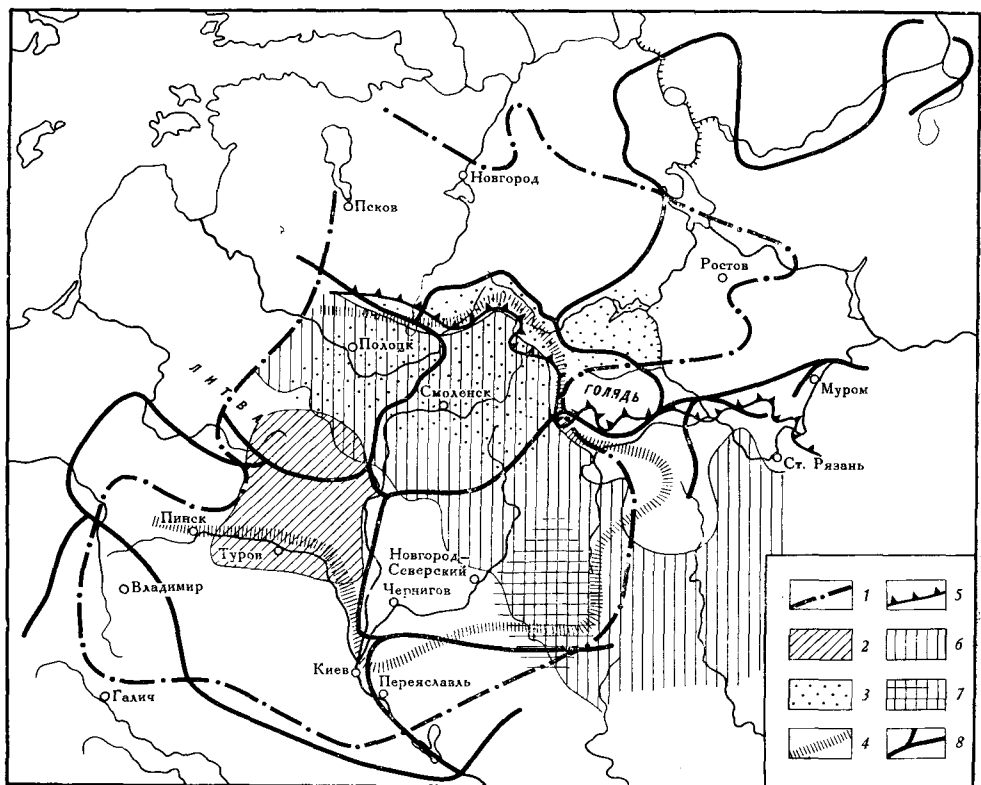
7 — Граница раннеславянских памятников житомирско-корчакского типа VI—VII вв. (по И. П. Русановой); 8 — ареал роменских городищ VIII—IX вв. (по И. И. Ляпушкину); 9 — современная граница противопоставления (э~h); 10 — граница региона, в пределах которого славянизация балтов могла осуществляться в VIII—X вв. (реконструкция).

Этнические группы Древней Руси по «Повести временных лет»: 11 — балто-, финно- и славяноязычные племена, вошедшие в состав Древнерусского государства не позднее X в.; 12 — западнобалтийские этнические группы, не входившие в состав Древней Руси в период Древнейшего летописного свода (первая пол. XI в.); 13 — балтоязычные племенные объединения в ареале славянизации балтов (см. пп. 2.3—2.4 и примеч. 20)

финноязычных) составляет основное содержание этнической истории народов Восточной Европы в период образования и укрепления Древнерусского государства, сложившегося как политическое, экономическое и культурное объединение не только славяноязычных, но и неславянских племен⁹. При этом область славянизации балтов простиралась значительно дальше восточной границы белорусов по Е. Ф. Карскому (см. карту 4), охватывая едва ли не всю территорию балтийской гидронимики (может быть, кроме ее окраин — см. сноску 8). Правда, в ответе оппонентам В. В. Седов несколько раз упоминает, что к востоку от белорусов о собственно балтийском субстрате не может быть речи (см. 1969, № 1, стр. 106, 107). Но из содержащихся здесь же разъяснений очевидно, что имеются в виду территории, ныне занятые носителями средне- и северновеликорусских говоров (Верхневолжье)¹⁰; и почему-то ни разу автор не обращается к старейшему южновеликорусскому ареалу, где о балтийском суб-

⁹ См.: А. А. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушанин, Я. Н. Щапов, Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965, стр. 88—92; П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности, стр. 4—5.

¹⁰ Ср. также: В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья..., стр. 192.

Карта 2. Ареал славянизации балтов в эпоху феодальной раздробленности

Археологические ареалы на территории Древней Руси (см. карту 1): 1 — славянские курганы IX—X вв.; 2 — памятники дреговичей и 3 — смоленско-полоцких кривичей; 4 — граница ареала раннедревнерусской (до XI в.) славянизации балтов.

5 — Южная граница [g] (граница противопоставления [g — h]; 6 — ареал разновидностей аканья-яканья, связанных с диссимильтивностью; 7 — предполагаемый очаг возникновения аканья-яканья; 8 — политические границы основных древнерусских феодальных земель (по А. Н. Насонову)

страте можно говорить с полным правом (ср. 1967, № 4, стр. 115) и где, между прочим, находился очаг возникновения аканья-яканья (см. карту 2), впоследствии ставшего одной из заметных белорусских особенностей.

2.2. Автор «Повести временных лет» специально обращает внимание на разноплеменный состав государства, инициатива в котором принадлежала славяноязычному населению: «На Белеозере сеять *весь*, а на Ростовском озере *меря*, а на Клещине озере *меря* же. А по Оце реке, где втечет в Волгу, *мурома* язык свой, и *черемиси* свой язык, *мордва* свой язык»¹¹. *Чудь*, *меря* и *весь* наряду со славянами фигурируют в легенде о «призвании варягов», в перечне участников походов Олега, в сообщениях о заселении новооснованных городов при Владимире I¹²; вдоль южных границ Полоцкой земли вплоть до тюрко-монгольского нашествия сохранялись компактные поселения восточных балтов, именуемых в «Повести временных лет» *литвой*¹³ (см. карты 1 и 2). В связи с этим составитель этногеографического очерка средневековой Восточ-

¹¹ См.: «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 13.

¹² См. там же, стр. 18, 23, 83 и др.

¹³ Сводку исторического и археологического материала, обзор предшествующих исследований и карту см.: Н. И. Ермолович, Где была летописная *Литва*?, «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии», Минск, 1969, стр. 293—298.

ной Европы вынужден разъяснить, что население Русского государства говорит на разных языках: «Се бо токмо словенск язык в Руси: *поляне, деревляне, новгородьци, полочане, дреговичи, север, бужане...* А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси (т. е. входят в состав Русского государства!— Г. Х.): *чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, мещера, ямь, литва, зимигола, корсь, нором, либь:* си суть свой язык имуще...»¹⁴.

Цитированные разъяснения, вероятно, характеризуют этнический состав Руси периода Древнейшего свода (начало XI в.), ибо в списке «иных языков, иже дань даютъ Руси» отсутствует, например, *голядь*, территория которой долгое время представляла балтоязычный «остров» среди славянских поселений (ср. 1967, № 4, стр. 113) и которая лишь в 1058 г. (т. е. после составления свода 1039 г.) вошла в состав Смоленской земли, занимая ее восточную окраину¹⁵ (см. карту 2). Но свод мог называть лишь те этнические группы, которые ославянились (зачастую, например, *меря, мурома, мещера, голядь* и др.— полностью) после XI в., и если в нем отсутствуют названия приднепровских балтов (кроме *литвы*), то это должно как будто означать, что их славянизация в XI в. уже завершалась, и летописцы, как полагает П. Н. Третьяков, «ничего не знали о балтах в земле дреговичей, кривичей, радимичей и вятичей» (1967, № 4, стр. 113 и сл.).

Если учесть, что балты оказались в самом центре древнерусских поселений, то они, естественно, могли быть ассимилированы ранее, чем окраинные народы. Однако следует ожидать, что «их этнические следы в той или иной форме сохранялись не только в IX—X вв., в период возникновения Древнерусского государства, но и в последующие столетия»¹⁶; память о балтийском происхождении древнерусского населения центральной лесной полосы могла сохраниться и в восточнославянских этнонимах соответствующего региона.

2.3. В ареале славянизации балтов, если исключить область давних роменско-боршевских городищ — древнейших славянских памятников на первоначально балтийской территории, «Повесть временных лет» локализует племенные объединения (?), которые в Киеве были известны под названиями с суффиксом *-ич-*: *дрегов-ич-и, крив-ич-и, радим-ич-и, вят-ич-и* (см. карту 1). Общее «патронимическое» (генеалогическое) значение таких образований (ср. *Ярослав-ич-и* — «потомки Ярослава», *Мономаховичи* — «потомки Мономаха» и др.) настолько очевидно, что летописцы возводили их к именам «основателей родов»: «Бяста бо 2 брата в Лясах,— Радим, а другий Вятко,— и пришедъша седоста Радим на Сою, от него же прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи»¹⁷. Очень характерные для средневекового мировоззрения, «этимологии» эти, разумеется, фантастичны¹⁸; но суффикс *-ич-* здесь, безусловно, заключал указание на какую-то генетическую связь.

¹⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 13; ранее были названы еще *волѣхва, угра, летьгола* (стр. 10), а в Новгородской летописи — *водь, корела* и др., входившие в состав Новгородской республики (ср.: А. А. Новосельцев и др., Указ. раб., стр. 92—93).

¹⁵ См.: А. Н. Сасонов, «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, М., 1951, стр. 159. В «Повести временных лет» *голядь* потому и не упомянута при характеристике этнического состава Древней Руси, что до середины XI в. она сохраняла самостоятельность и в Русское государство не входила (ср.: П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне..., стр. 280).

¹⁶ П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне..., стр. 280. Впрочем, летописцы, видимо, все-таки знали о балтийском населении Верхнеднепровского правобережья, которое они именовали, как справедливо полагает В. В. Седов, общим термином *литва* (см.: В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья..., стр. 25), хотя сами балты от Немана до Днепра могли называть себя по-разному (см. ниже — п. 2.4).

¹⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 14.

¹⁸ Ср.: С. Роспанд, Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима *Киев*), «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 110.

Эта связь обнаруживается в летописном этнониме *беренд-ич-и*, который в записи под 1097 г. использован для обозначения ослабянившихся потомков тюркоязычных *берендеев*, селившихся (в числе других «черных клобуков») вдоль южных границ собственно Киевской земли¹⁹. Здесь явно отражена традиция присваивать термин на *-ич-* славяноязычной группе, генетически связанной с племенным объединением, название которого служит производящей основой нового наименования. От названий предшествовавших славянам этнических групп должны быть образованы и остальные летописные этнонимы с суффиксом *-ич-*.

При таком предположении хорошо известная этнографическая общность *радимичей* и *вятичей* легко объясняется единым источником славянизации (из области *севера*, которых летописец сближает с ними) близкородственного балтийского населения между Днпром и верховьями Оки. А рассуждения Нестора (XII в.) о появлении *радимичей* и *вятичей* «от Ляхов» (Ляхи — название страны, а не народа!), свидетельствуя об этнографической близости населения Днепровско-Окского междуречья населению русско-польского пограничья (например, *ятвягам*²⁰), указывают на незавершенность славянизации местных балтов (которая в археологических памятниках начинает проявляться лишь с IX в.)²¹ и совсем не требуют поисков того региона, откуда якобы «пришли» *радимичи* в Русь. Иными словами, древнерусские этнические группы Верхнего Поднепровья — это преимущественно славянизированные балты, т. е. автохтоны Восточной Европы (а не пришельцы), утратившие язык своих физических предков в результате ассимиляции основным населением государства. Подобные случаи неоднократно отмечались в этногенетических исследованиях²² и обычны в истории многонациональных государственных объединений; в частности, сибирские диалектологи уже обратили внимание на неуклонное увеличение русского населения Сибири и Дальнего Востока в XVIII—XIX вв. не столько за счет притока новых колонистов из Европы, сколько за счет обрусения аборигенов²³.

2.4. Если признать, что этнонимы на *-ич-* были образованы от названий предшествовавших их носителям иноязычных племенных союзов, то не только легко объясняется утверждаемое летописью и фиксируемое археологами этнографическое единство древнерусского населения Днепровско-Окского междуречья, но и оказывается, что и вдоль правого берега верхнего Днепра в дославянское время селились близкородственные этнические группы с однотипными названиями **krieva* (слав. *крив-*

¹⁹ См.: Б. А. Рыбаков, Древние русы, «Сов. археология», XVII, 1953, стр. 39; см. еще о славянизированных тюрках Поросья: С. А. Плетнева, Т. И. Макарова, Южное городище у с. Витичева, «Краткие сообщения Ин-та археологии» (далее КСИА), вып. 104, 1965, стр. 56—61.

²⁰ Не исключено, что этнические предки *радимичей* и *вятичей* (**rādim-is* и **vent-is?*) относились к той же западнобалтийской группе, что и предки *голяди* (**gālind-is*), являвшиеся, по мнению В. В. Седова, носителями зарубинецкой культуры (см.: В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья..., стр. 44—48), на базе которой в I тысячелетии н. э. в Днепровско-Окском междуречье оформляются почепские и мошинские древности, охватывающие районы летописной локализации *радимичей* и *вятичей*. Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться, что *вятичи* нашей летописи — это физические потомки создателей мошинской культуры, занимавшей также и регион летописной *голяди* (см. карту 1). Не отражает ли летописная версия унаследованную *радимичами* и *вятичами* от их физических предков легенду, которая связана с экспансией носителей зарубинецкой культуры и с «загадочным» появлением в Поочье западнобалтийского (голядско-ятвяжского) комплекса?

²¹ См.: В. В. Седов, Из истории восточнославянского расселения, КСИА, вып. 104, 1965, стр. 8—11; Г. Ф. Соловьева, К вопросу о приходе радимичей на Русь, кн. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 352—356.

²² См., например: Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (Из опыта лексического анализа турецкого языка), «Сов. этнография», 1967, № 4.

²³ См.: М. А. Романова, К вопросу о формировании сибирских говоров (Фонетическая система русских говоров по нижнему течению Тавды, Тобола и Иртыша), Автореф. канд. дис., М., 1967, стр. 3; Н. П. Саблина, Русские говоры Камчатки (Фонетика). Автореф. канд. дис., М., 1966, стр. 3, 4, и многие другие работы.

ич-и), *lietīva* (слав. *литѣва*), **dregīva* (слав. *дрегѣв-ич-и* — см. карту 1), которые хорошо этимологизируются с помощью литовского и латышского языкового материала, обнаруживая тем самым свое восточнобалтийское происхождение. А это в свою очередь помогает объяснить, например, «неуловимость» летописной *литвы*, оказавшейся зажатой между двумя волнами ассимиляции верхнеднепровских балтов, в значительной степени уже перешедших на славянскую речь, а частью, возможно, еще сохранявших язык предков — в поселениях, представлявших изолированные «вкрапления» среди славяноязычных *дреговичей* и *кривичей* или *полочан* (ср. 1967, № 2, стр. 113, и сл; 1969, № 1, стр. 111, 112) и недифференцированно именовавшихся в нашей летописи *литвой* (см. сноску 16).

3. Кажется бесспорным, что в древнерусский период новые сходные условия развития должны были способствовать стиранию локальных диалектных и этнографических различий, в то время как разные условия развития могли вести к распаду прежней общности. Этому теоретическому положению как будто не противоречит частный вывод В. В. Седова о причинах оформления белорусской лингво-этнической общности: «Выйдя из разных диалектных групп праславян, придя с разных сторон и в разное время, славянские племена Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья в XIII—XIV вв. (не позднее?— Г. Х.) формируются в единую славянскую народность — белорусов. Причиной этого является однородный балтский субстрат на всей белорусской территории²⁴. Однако именно этот вывод подсказывает, что «сходные условия развития» — это сложный комплекс факторов, который не может быть сведен к одному только субстрату.

3.1. В самом деле, «с разных сторон и в разное время» осуществлялась славянская колонизация Волго-Окского междуречья; и этот факт до сих пор отражается в заметном диалектном и этнографическом различии сельского населения Волго-Клязьминского междуречья, с одной стороны, и средней Оки — с другой, взаимодействие между которыми (отразившееся в формировании среднерусских говоров) начинается лишь с XIV в. — со времени образования Московской Руси. А ведь речь идет о группах, формировавшихся (как и на территории Белоруссии!) в процессе славянизации относительно «однородного [финноязычного] субстрата» — *мери, муромы, мордвы и мещеры* (ср. материалы карты 1).

Атлас украинских говоров еще не завершен, поэтому нет пока возможности опереться на исчерпывающий лингво-географический материал юго-запада. Но уже сейчас можно утверждать, что в поздний древнерусский период языковые инновации галицко-волинского региона отличались своеобразием и не распространялись на правобережную часть припятского Полесья и Киевщину; во всяком случае, типично украинские языковые особенности, развитие которых может быть отнесено к XII—XIV вв., впервые фиксируются в галицко-волинских, а не киевских текстах и явно распространяются на восток после XIV в. — в период образования украинской народности. И вновь речь идет о территории, в течение почти тысячелетия до этого (не позднее как с VI в.) охваченной археологическими памятниками с однородными культурно-этнографическими особенностями!

Напротив, балтийский субстрат не помешал тому, что до XIV в. киевские языковые инновации последовательно охватывали не только правобережное, но и левобережное припятское Полесье — говоры Турово-Пинской земли: диалектолог не может указать языковых особенностей южного происхождения, развившихся до XIV в., изоглосса которых совпадала бы с южной границей славянизации балтов.

²⁴ В. В. Седов, *Славяне Верхнего Поднепровья...*, 1970, стр. 192.

Если указанным зонам языковых переживаний древнерусского периода соответствуют и этнографические границы, то можно утверждать, что в число «сходных условий развития» включаются политические и устойчивые экономические связи, благоприятные географические условия, обеспечивающие регулярность взаимообщения и единство хозяйственного развития, и лишь в последнюю очередь — «однородный субстрат», проявляющийся в общности культурно-этнографического наследия.

3.2. В процессе работы над атласом белорусских говоров обнаружилось, что изоглосса диссимилятивного аканья-яканья, разрезающая Белоруссию с юго-востока на северо-запад и положенная в свое время авторами карты Московской диалектологической комиссии в основу диалектного членения белорусского языка, включается в широкую полосу границ многочисленных внутрибелорусских противопоставлений²⁵ (см. карту 4, где заштриховано пространство между крайними изоглоссами указанного комплекса). Начинаясь в области соприкосновения летописных *дреговичей*, *полян* и *радимичей*, эта изоглоссная полоса расходуется, огибая регион, где еще в XII—XIII вв., согласно летописи, были сосредоточены поселения *литвы* (см. примеч. 13), окончательно славянизированной здесь после XIV в. и долгое время, видимо, «встававшей на пути» распространения диалектных новообразований с северо-востока на юг и с юго-запада на север. Столь мощный пучок изоглосс неопровержимо свидетельствует о том, что, несмотря на «однородный балтийский субстрат», лингво-этнические процессы по обе стороны *Литвы* до определенного времени (хронологически — до XIV в.) осуществлялись по-разному и понадобились какие-то коренные изменения условий развития (теперь уже не связанных с субстратом!), чтобы разнонаправленные процессы на территории Белоруссии сменились конвергентными.

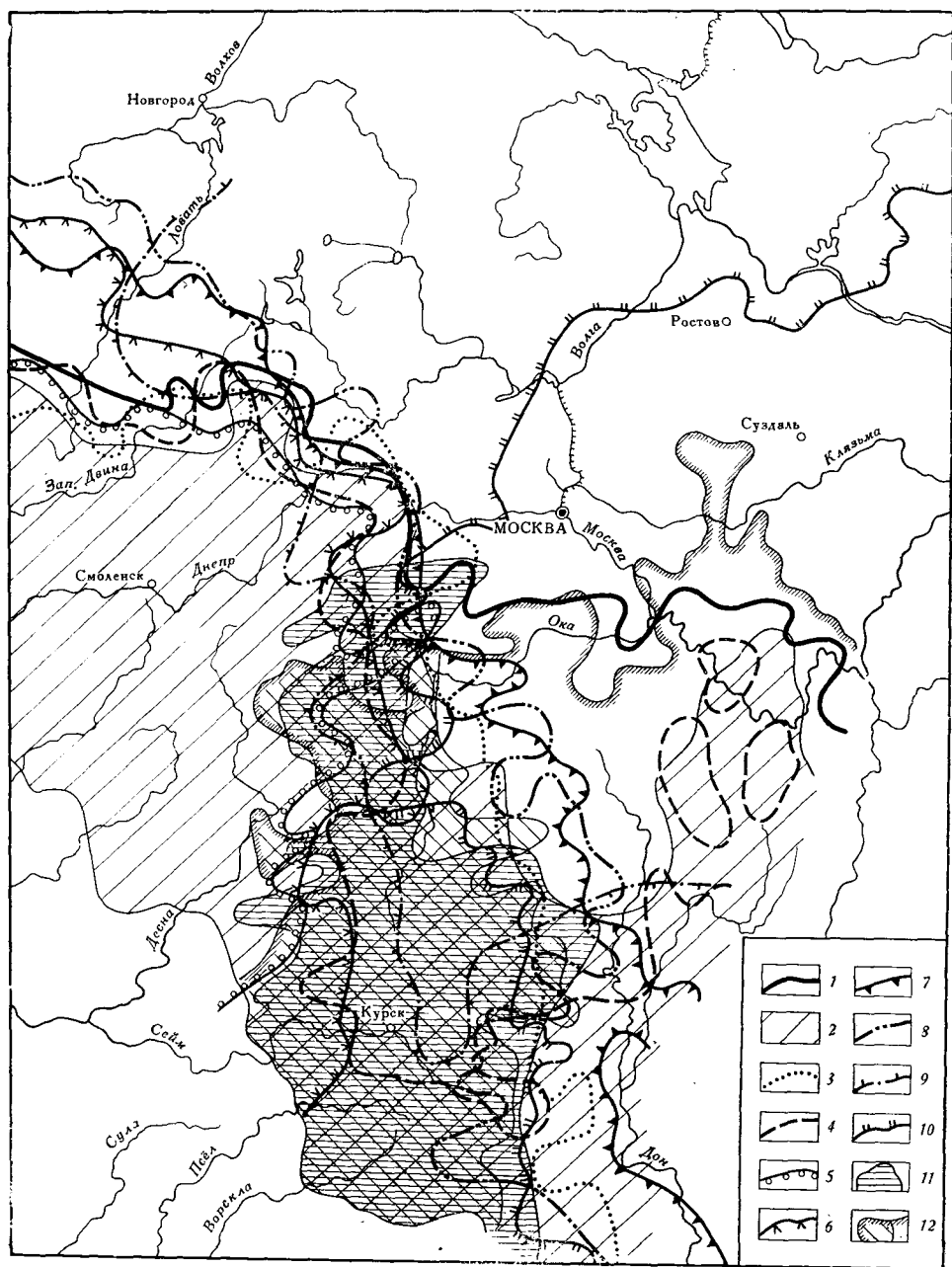
4. Если обратиться к данным атласов великорусских и белорусских говоров, то можно заметить, что изоглоссы явлений, наметившихся до XIV в., очерчивают в границах домонгольских поселений компактные зоны, вероятно, соответствующие диалектно-этнографическим группам древнерусского населения, которые, как выясняется в этом случае, не соответствуют современным восточнославянским лингво-этническим комплексам (см. карты 3 и 4).

4.1. Прежде всего обнаруживается, что инновации, распространявшиеся по всей территории Руси, примерно с XII в. не проникали на северо-восточную окраину и среднее Поочье — Ростово-Суздальскую землю и Рязанщину²⁶ (на карте 3 типичной изоглоссой этой серии является восточная граница отвердения конечных губных согласных). Изоглоссам «явлений общезападного происхождения» соответствуют границы ростово-суздальских новообразований того же времени, которые, в свою очередь, лишь после XIV в. выходят за пределы Волго-Окского междуречья. Оба комплекса изоглосс в общем виде вполне определенно очерчивают своеобразные лингво-этнографические зоны (северо-восточную и среднеокскую), взаимодействие между которыми относится ко времени образования Московского государства.

4.2. Анализируя «явления общезападного происхождения», авторы монографии «Образование севернорусского наречия...» обращают внимание на то, что «при распространении новообразований в пределах самих западных территорий в описываемый период XII—XIII вв. преобладало

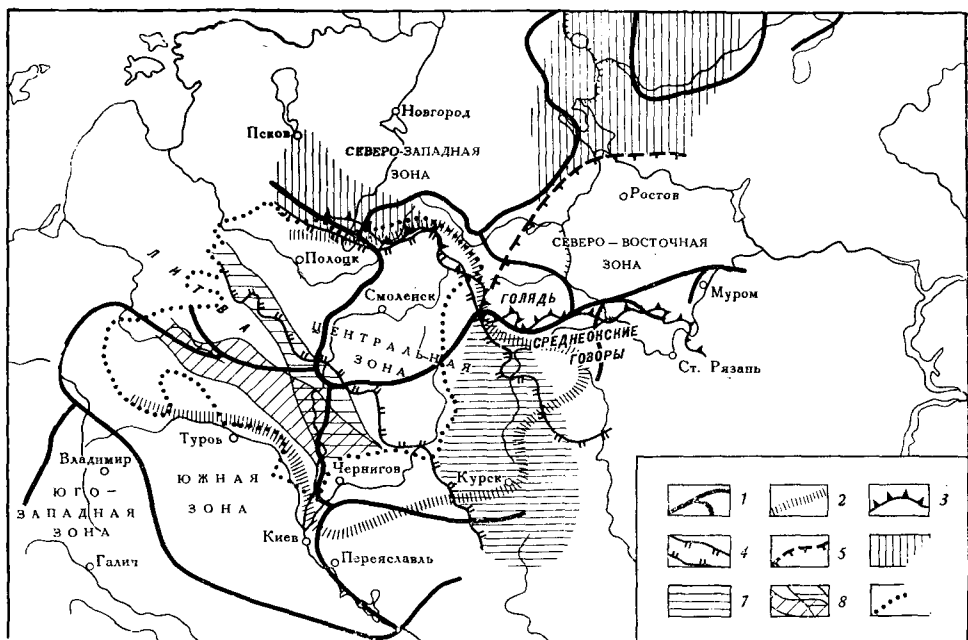
²⁵ См.: Ю. Ф. Мацкевич, А. Г. Мурашко, А. В. Орешонкова, Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров, «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964, в частности карты 1, 2, 4 и 5 на стр. 54—55, 57—58.

²⁶ См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии», М., 1970, стр. 210, 211. Авторы этой коллективной монографии называют указанные новообразования XII—XIII вв. «явлениями общезападного происхождения».

Карта 3. Русско-белорусские изоглоссы в пределах домонгольских славянских поселений, по «Атласу русских народных говоров» (см.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», М., 1970)

1 — Граница *г* — *h*; 2 — ареал типов аканья-яканья, связанных с диссимилиативностью; 3 — северо-восточная граница форм типа *у* *однэй*; 4 — северо-восточная граница окончания местоимений и прилагательных — *оно*; 5 — северо-восточная граница форм *нико́но*, *ничо́но*; 6 — северо-восточная граница форм типа *мыю*, *рыю*; 7 — северо-восточная граница *у* (*ω*) в конце слога и слова; 8 — северо-восточная граница протетического *в* (перед *о*, *у*); 9 — восточная граница сохранения *е* (без перехода в *о*) в личных окончаниях глаголов I спряжения (*иде́шь*, *иде́ть*, *иде́м*, *иде́те*); 10 — восточная граница отвердения губных в конце слова; 11 — ареал *ш' < ч'*; 12 — зона прогрессивного ассимилятивного смягчения *к* (типа *Ван'к'а*), в пределах которой заштрихован ареал сохранения твердого *к* после *ш' < ч'* (по Л. Л. Касаткину)

Карта 4. Позднедревнерусские (XII—XIV вв.) диалектно-этнографические зоны лесной полосы

1 — границы основных древнерусских феодальных земель (см. карту 2); 2 — граница ареала раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 1); 3 — граница противопоставления [g~h]; 4 — ареал типов аканья-яканья, связанных с диссимилиативностью; 5 — обобщенная граница противопоставления «явлений общезападного происхождения» и росто-суздальских инноваций XII—XIV вв.; 6 — ареалы взаимопроникновения росто-суздальских и новгородских диалектных особенностей (на северо-востоке; см. п. 4.2) и северных границ русско-белорусских диалектных особенностей (полоса диалектного взаимодействия на северо-западе); 7 — регион «отступления» на запад русско-белорусских особенностей в ареале славянизации балтов (см. карту 3), отражающий дифференциацию носителей центральных древнерусских диалектов после XIV в. (см. п. 5.2); 8 — пучки изоглосс внутрибелорусских диалектных противопоставлений (см. п. 3.2); 9 — ареал белорусов по Е. Ф. Карскому

распространение, шедшее из более южных очагов к северу, на территорию Смоленской и Новгородской земель, в то время как новообразования, очагом которых являлась Новгородская земля, не имели столь интенсивного распространения в южном направлении: собственно новгородские инновации распространялись в основном на говоры новгородских колоний²⁷ (где сталкивались с инновациями росто-суздальского происхождения — см. штриховку на карте. 4) Таким образом, достаточно четко обрисовывается также северо-западная зона, некоторые особенности которой объясняются западнофинским субстратом, но границы которой определены не этническими группами дославянского населения, а политической и экономической обособленностью Новгородской республики, еще в XV в. отстаивавшей свою независимость от Москвы.

4.3. Разные лингво-этнические группы формировались в домонгольское время и на территории Правобережной Украины: юго-западная (с центрами в Галиче и Владимире-Волынском) и собственно южная, центром которой был Киев (см. п. 3.1). При этом новообразования южной зоны в XII—XIV вв., как отмечалось, последовательно распространялись за Припять (на турово-пинские говоры), нередко охватывали диалекты Полотчины и Смоленщины, а в ряде случаев доходили и до

²⁷ См. там же, стр. 228; анализу явлений отмеченной серии специально посвящена 4 глава II раздела указанной монографии.

Новгорода (см. п. 4.2), что, несомненно, обуславливалось причинами социального (а не собственно языкового или субстратного!) порядка — авторитетом киевских языковых норм.

4.4. Наконец, в самом центре Древней Руси формируется лингво-этническая группа, которую, учитывая ее относительное географическое положение, можно назвать центральной. На лингвистической карте она вполне убедительно очерчивается мощными пучками изоглосс фонетических и морфологических инноваций XII—XIV вв., которые на севере стабилизируются в период существования Литовско-Русского государства, на северо-востоке узкой полосой подходят к границам поселений летописной *голяди* (следовательно, оформились до ее окончательной славянизации), на востоке и юго-востоке совпадают с давней восточной границей дославянских балтийских поселений (проходившей вдоль границы леса, за которую в домонгольское время не простирались далее и компактные славянские поселения), а на юго-западе упираются в поселения летописной *литвы* (см. карты 3 и 4).

4.5. Реальность выделяемых таким образом зон подтверждается тем, что нет ни одной изоглоссы явления, развившегося до XIV в., которая пересекала бы две смежные зоны, лишь однажды пройдя через межзональную границу в ареале домонгольских восточнославянских поселений!

4.6. Очерчиваемые пучками изоглосс древнерусские лингво-этнические (или диалектно-этнографические) зоны (см. карту 4) к XIV в. уже характеризовались многими особенностями, впоследствии оказавшимися белорусскими, украинскими или великорусскими. Но они ни в коей степени не отражали границ будущих восточнославянских этноязыковых комплексов и содержали потенциальные возможности для образования совершенно иных лингво-этнических единиц (как в территориальном, так и в количественном отношении), чем те, которые в действительности сложились в Восточной Европе к новому времени: ни о каких белорусах, украинцах или великорусах до XIV в. не может быть речи!

5.1. С XIV в. направления этнического и языкового развития на Руси резко меняются. В частности, в то время как на западе центральной зоны не только сохраняются старые, но и оформляются новые языковые и этнографические особенности балтийского (для этого периода — литовского) происхождения, составляющие лингво-этническое своеобразие современных белорусов в восточнославянском мире (ср. 1968, № 1, стр. 111; 1968, № 5, стр. 82 и сл.)²⁸, население восточной части той же зоны втягивается в единый этногенетический процесс с населением севера и средней Оки и, взаимодействуя с ним, постепенно утрачивает диалектные и этнографические особенности субстратного происхождения, усваивая особенности, наступающие с востока (северо-востока), т. е. приобретая собственно южновеликорусский облик²⁹; а население левобережной части припятского Полесья усваивает особенности, ранее характеризовавшие лишь славян западной части той же центральной зоны.

Совершенно очевидно, что именно такое направление этнического и языкового развития, противоречащее тенденциям предшествующего периода, было обусловлено не «однородностью субстрата» (который к XIV в. уже был полностью ассимилирован), а хорошо известными политическими изменениями — захватом Литвой и Польшей западных и юго-

²⁸ К многочисленным фактам, упоминавшимся в дискуссионных статьях, можно добавить: И. И. Саливон, Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 46 и др.

²⁹ Этот вывод четверть века назад в общих чертах уже был намечен. См.: Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 135.

западных земель, оказавшихся, таким образом, изолированными от остальных районов Руси, где в борьбе с татаро-монгольским игом ширится консолидация населения в составе последовательно расширяющиеся свои границы Московского государства. Эти политические изменения и выступают как фактор (причина!), вызвавший, с одной стороны, процесс образования новой общности — великорусов, объединивших заметно разошедшихся к тому времени потомков носителей северо-восточных, среднеокских, северо-западных и центральных (восточных) древнерусских диалектов, с другой — изоляцию от них потомков носителей юго-западных, южных и в том числе западных диалектов центральной зоны, которые оказались втянутыми в иные этногенетические процессы.

Иными словами, оформление лингво-этнического своеобразия белорусов в восточнославянском мире не может исследоваться изолированно и должно выясняться путем анализа причин, приведших к утрате предками южновеликорусов тех особенностей субстратного происхождения, которые некогда определяли их единство с предками белорусов в составе центральной древнерусской зоны.

К тому времени как Московская Русь, окрепнув, смогла начать длительный вооруженный конфликт с могучим (теперь уже объединенным Польско-Литовским) соседом, добываясь полного воссоединения потомков древнерусской народности в едином государстве, оказалось, что за столетия разобщенного развития на западе и юго-западе, так же как и на северо-востоке, сформировались вполне самостоятельные новые славяноязычные народности.

5.2. То, что формирование белорусской народности связано с политическим и экономическим обособлением западнорусских земель, т. е. с изменениями в политической истории народов Восточной Европы, отражается в границах ее ареала. В самом деле, если на севере лингво-этническая граница белорусов (см. карту 4) совпадает с давними рубежами Литовского государства, поскольку они здесь были достаточно стабильными, то на востоке лишь фактор национального самосознания отграничивает белорусов от южновеликорусов. И это естественно, ибо: 1) речь идет о границе между лингво-этническими группами, предки которых до XIV в. составляли единство (с комплексом особенностей, обусловленных, в частности, балтийским субстратом). В этом случае граница между ними могла бы быть заметной лишь при условии длительного, полностью изолированного развития; между тем, 2) изолированное развитие белорусов и южновеликорусов Днепровско-Окского междуречья продолжалось относительно недолго — всего около трех столетий; к тому же, 3) политическая граница между ними никогда не была устойчивой, что и сказалось на языковой истории русско-белорусского пограничья, где обнаруживаются диалектные явления, которые «не распространены сколько-нибудь ощутительно ни на запад — на территорию белорусского языка, ни на восток — на территорию говоров рязанской группы»³⁰ (на карте 3 эта серия явлений представлена изоглоссой [ш'], которая очерчивает ареал утраты [ч], сохраняемого белорусскими говорами³¹). Развитие этих явлений связано с тем, что в XIV—XVI вв. районы их распространения «попеременно оказывались то под властью Литовского, то Московского государства, причем и в том и в другом случае являлись периферийными в их составе»³². Именно в этом регионе и отражается последовательное наступление с востока новых диалектных особенностей — по мере продвижения на запад границы Московского госу-

³⁰ В. Г. Орлова, Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных, «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 16—18.

³¹ См.: Г. А. Хабургаев, Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия (Консонантизм), «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 204, Русский язык, вып. 14, М., 1967, стр. 157 и примеч. на стр. 182, 183.

³² В. Г. Орлова, Указ. раб., стр. 18.

дарства (на карте 3 эта серия особенностей представлена изоглоссой прогрессивного смягчения *к*, внутри которой заштрихован ареал сохранения твердого *к* после *и* [ш¹], выделяющий зону «отступления» на запад русско-белорусских изоглосс)³³. Восточная часть намеченного здесь ареала близка восточной границе Литовского княжества в период его расцвета (ср. 1967, № 2, стр. 114—115); вдоль западной его границы тянется полоса переходных русско-белорусских говоров, западная окраина которых является восточной границей белорусского ареала по Е. Ф. Карскому (см. карту 4).

Не менее выразительно и расположение изоглосс в бассейне Припяти — в северных районах древнерусской южной зоны, куда с XIII в., после образования Великого княжества Литовского, последовательно распространяются языковые особенности центральной зоны (включая аканье). А так как этот регион, вошедший в ареал формирования белорусской народности, продолжает сохранять следы былой связи с Киевщиной (ср. п. 3.1), вдоль Припяти тянется широкая полоса говоров, по-разному совмещающих белорусские и украинские диалектные черты.

5.3. Связь границ этнографических и диалектных особенностей, распространяющихся с XIV в., с политическими границами, оформившимися в Восточной Европе после падения Древней Руси, заставляет утверждать, что, вопреки предположению В. В. Седова, именно «политическое и экономическое обособление западнорусских земель» явилось фактором, вызвавшим процессы, которые привели к этническому и языковому обособлению белорусов (и украинцев) от остальных восточных славян, в том числе и от тех, с которыми предки белорусов до XIV в. составляли одно целое, т. е. явилось причиной обособления белорусов или, что то же самое (!), причиной обособления великорусов от остальных восточных славян, развившихся в белорусов и украинцев.

Поскольку, однако, В. В. Седовым поставлен вопрос о «первопричине», т. е. причине причины, то таковой в рассматриваемом случае (если только постановка такого вопроса правомерна) следовало бы признать тюрко-монгольское нашествие: именно оно ослабило обороноспособность восточноевропейских славян и тем самым способствовало захвату западных и юго-западных земель Литвой и Польшей, что изолировало местных славян от остальных районов Руси; именно оно ускорило процесс преодоления феодальной раздробленности за пределами Литвы и Польши и в ходе борьбы за независимость вызвало необходимость консолидации этнически уже разошедшихся славянских групп восточноевропейского Севера и Востока. Короче, можно смело утверждать, «что этноязыковая картина восточного славянства была бы иной, если бы не грозные события XIII—XV вв.»³⁴ (ср. выше — п. 4.6).

6. Что же касается вывода, предложенного В. В. Седовым, то для его проверки теперь имеется вторая посылка (см. п. 0.2):

Посылка 1. «Некоторые элементы культуры верхнеднепровских славян VIII—XII вв., ряд этнографических, антропологических и языковых особенностей белорусов являются следствием взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами» (В. В. Седов).

Посылка 2. Современные восточнославянские лингво-этнические объединения, включая белорусов, не совпадают с диалектно-этнографическими группами древнерусского периода и начинают формироваться после XIII в., когда, в частности, активизируется процесс дифференциации восточной и западной частей того этнического комплекса, который сложился в VIII—XII вв. в результате «взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами».

³³ См.: Л. Л. Касаткин, Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах, М., 1968, стр. 73—108 и др.

³⁴ Ф. П. Филин, Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков, «Вопросы языкознания», 1970, № 5, стр. 13.

Логически в этом случае возможен лишь один вывод: балтийский субстрат не является причиной обособления белорусской лингво-этнической общности, хотя и объясняет источники ряда этнографических, антропологических и, отчасти, языковых особенностей этой общности, оформившихся в VIII—XII вв.—до начала обособления белорусов.

ETHNIC COMPOSITION OF THE EARLY RUSSIAN STATE AND THE ORIGIN OF THE THREE EAST SLAV NATIONALITIES

(LOGICAL AND LINGUISTIC NOTES TOWARDS THE DISCUSSION ON THE «INITIAL CAUSE»
OF THE FORMATION OF THE BIELORUSSIAN NATIONALITY)

The early Russian State in the period of its foundation was not ethnically homogeneous: it was formed as a political, economic and cultural amalgamation of the Slavs with the aborigines of Eastern Europe (predominantly Baltic- and Finnish-speaking). Since the initiative there belonged to the Slavs a considerable part of the autochthonous population of «Rus» (Russia) was already slavized by the time of the Turkic-Mongol invasion. Various features of the assimilated aborigines found expression (as has been convincingly shown by V. V. Sedov) in differences between early Russian local population groups as to their ethnographic, anthropological and partly as to their linguistic characteristics; in such cases these characteristics may be regarded as originating in the substratum.

Through comparison between archaeological regions of Eastern Europe with ethnographical and dialectal boundaries the main early Russian dialectal-ethnographic zones may be reconstructed; these were formed by the middle of the XIII century and were at that time already characterized by many distinctions which later became Bielorrussian, Ukrainian, North- and South Great Russian. It becomes apparent through this reconstruction that modern East Slavic linguistic-ethnographic complexes do not coincide with the dialectal-ethnographic groups of early Russian population; they take shape after the XIII century within the boundaries of new political units which arose in Eastern Europe after the Turkic-Mongol invasion and the fall of the Early Russian state.
